



ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I 1725–1727 ГОДЫ

Русские в ужасное время жестокой потери своей имели полное право ожидать утешений от Екатерины. Она объявлена была наследницей престола в самый день кончины супруга по общему согласию вельмож и народа. Однако нельзя не сказать, что усерднее всех действовал в этом важном деле князь Меншиков. Имея много случаев быть полезным Екатерине ещё в первые годы жизни её в России и испытав в полной мере благодарные чувства государыни, Меншиков уверен был, что в царствование её он будет наслаждаться совершенной властью, которая давно уже сделалась главным желанием его честолюбивого сердца. Старания его о возведении на престол своей покровительницы тем более имели успех, что не он один был предан доброй государыне: прекрасные качества души её доставили ей бесчисленное множество приверженцев. Сильная сторона не могла не победить приверженцев девятилетнего великого князя Петра, сына несчастного царевича Алексея Петровича, хотя как родной внук покойного императора он имел полное право на русскую корону. Но по детским летам своим он не мог сам управлять государством. Итак, защитники его скоро согласились вручить императорскую власть общей любимице, тем более что она обещала считать великого князя своим наследником и образовать в нём государя, достойного имени и крови Петра I.

Приверженцы Екатерины не ошиблись в своих ожиданиях: новое царствование было достойно наследницы Петра. Она с такой точностью старалась исполнять все известные ей намерения супруга своего, с таким успехом умела довершать начатое им, что конец этого кратковременного царствования, продолжавшегося не более двух лет, был новой горестью для России. Вы разделите эту справедливую горесть, милые дети, когда услышите, как много сделано было в эти два года.

Прежде всего надобно сказать вам, что во всех местах обширного отечества нашего во время правления Екатерины было совершенное спокойствие и мир со всеми соседями, только на берегах Каспийского моря, в областях, незадолго перед тем завоёванных Петром, бунтовали новые подданные России, но и те усмирены были оставленным там генералом Матюшкиным. Вслед за этим усмирением грузинский царь Вахтанг, уважая могущество России и желая избавиться от притеснения персиян, вступил в подданство Екатерины и таким образом увеличил царство её новой областью.

В самом начале своего восшествия на престол государыня исполнила одно из важных намерений великого супруга своего: отправила в Ледовитое море¹ несколько судов под начальством капитана Беринга для того, чтобы узнать, соединяется ли твёрдой землёй Азия с Америкой или разделяется морем. Этот вопрос был очень важен в то время для всей Европы, и русские в первом морском путешествии своём приобрели честь, которой позавидовали многие опытные

¹ Так называлась часть современного Северного Ледовитого океана, включавшая в себя моря Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское (*прим. ред.*).



моряки: Беринг узнал, что оконечности Азии и Америки не составляют одного материка, а разделяются проливом. Хотя этот пролив ещё до путешествия Беринга известен был казаку Дежнёву, проплывшему по нему, но поскольку новое открытие было довершено и описано Берингом, то назван он был его именем. Ведь, верно, все вы, милые читатели мои, знаете Берингов пролив?

Вскоре после отправления судов Беринга, а именно в мае 1725 года, Екатерина основала Академию наук по плану, сделанному за год перед тем покойным

императором. Почти в то же время она учредила орден Святого Александра Невского. Это было также намерение Петра. Он говорил о нём при перенесении мощей героя в Северную столицу. Знаки нового ордена розданы были в первый раз 21 мая 1725 года, в день бракосочетания великой княжны Анны Петровны с герцогом голштинским. Вы знаете, друзья мои, что начало этого брака устроено было Петром, однако герцог голштинский был общим любимцем родителей своей невесты, и Екатерина так же, как и супруг её, при всяком случае показывала свою особенную к нему привязанность. Она желала даже, чтобы герцог участвовал в делах государственных, и для того назначила его одним из главных членов учреждённого ею Верховного тайного совета, где рассматривались только самые важные дела государства и власть которого превышала власть Сената.

Если бы царствование её было продолжительнее, она, вероятно, возвратила бы герцогу и шлезвигское владение, отнятое у него Данией: все приготовления к морскому походу против датчан были уже сделаны, и многочисленный флот готов был и в Ревеле, и в Кронштадте, но ранняя смерть, прекратив неутомимую деятельность императрицы и все её прекрасные намерения, лишила народ русский государыни, в полной мере оправдавшей своим царствованием справедливость судьбы, так блистательно возвысившей её от бедности и сиротства до знаменитейшего из тронов Европы.

Она скончалась 6 мая 1727 года, но за некоторое время до кончины успела утвердить будущее спокойствие покидаемого ею царства объявлением духовной, в которой наследником престола назначен был внук Петра I Пётр Алексеевич. Родные же дочери её

великие княжны Анна и Елизавета получали право на корону только в том случае, если Пётр II умрёт без наследников мужского пола. Здесь видна справедливость императрицы, сохранённая ею, несмотря на всю материнскую любовь к дочерям: царствование великого князя обещало русским более прочное счастье, нежели царствование одной из тёток его, и этого было довольно для супруги Петра.

Наследница любви его к народу, свято исполнив свою обязанность, спокойно и без сожаления рассталась с жизнью, в которой не находила уже радостей после кончины супруга.

ПЁТР II И КНЯЗЬ МЕНШИКОВ 1727–1728 ГОДЫ

Одиннадцатилетний император Пётр II взошёл на престол в день кончины Екатерины, и бояре и народ единодушно назвали его государем своим. Кроме законных прав его, за него был сильнейший вельможа тогдашней России — князь Александр Данилович Меншиков. Пора вам, милые читатели мои, узнать подробнее об этом примечательном лице в истории нашего отечества.

Я не буду описывать, как он из самого ничтожно го человека через несколько лет сделался не только знаменитейшим вельможей, но и любимейшим другом государя, — вы уже знаете это. Итак, поговорим о том, как он, достигнув такого редкого счастья, не сумел удержаться на высоте его и упал, упал ужасно. Причиной этого падения были жадность к богатству и гордость, от которых происходят обыкновенно почти все несчастья людей. Эти две унижающие человека страсти омрачали достоинства Меншикова

и наконец взяли такую власть над душой его, что при всяком случае, где только можно было воспользоваться чем-нибудь для выгод своих, — он пользовался, при всяком случае, где только можно было показать властолюбие своё, — он показывал его. Отсюда происходило то, что никто не любил его, никто не желал ему добра, но, зная власть, какой пользовался он при дворе, всякий боялся его.

Эта власть очень уменьшилась в последние годы царствования Петра I, потому что государь узнал о многих дурных делах своего любимца и даже не один раз отдавал его под суд за несправедливое присвоение чужих имений и денег, но со времени восшествия на престол императрицы Екатерины, сердце которой из чувства благодарности видело в Меншикове только хорошие качества, власть знаменитого вельможи достигла высочайшей степени и продолжалась во всё время её царствования. Все недовольные, начинавшие в последние месяцы жизни Петра I громко роптать на притеснения князя, умолкли или в стенах душных темниц, или в холодной Сибири. Все родственники их, напуганные самовластием любимца государыни, не смели возобновлять жалоб несчастных и ожидали от одного Бога облегчения страданий своих. Но долго печальные сердца их не могли дожидаться этого облегчения. С каждым днём могущество князя Меншикова увеличивалось и наконец с кончиной императрицы ещё более утвердилось. Духовной невестой молодого императора назначалась дочь Александра Даниловича княжна Мария Александровна. Нельзя описать ужаса, какой почувствовали все неприятели Меншикова, услышав об этой новости и в то же время узнав, что будущий тесть государя в тот же день перевёз его из дворца в свой собственный дом.

С этого времени началось полновластное владычество Меншикова над Россией. Он один управлял всеми делами государственными, хотя в духовной Екатерины и назначена была до шестнадцатилетнего возраста императора правительственная опека, состоявшая из дочерей её Анны и Елизаветы, герцога голштинского (супруга Анны), епископа любского¹ (жениха Елизаветы) и шести членов Верховного совета. Будучи одним из этих членов, Меншиков с первого дня присвоил себе всю власть, остальные же пять — князя Голицын и Долгорукий, графы Головкин и Остерман и генерал-адмирал Апраксин — только исполняли приказания его, от которых не мог избавляться и сам герцог голштинский. Поведение гордого честолюбца сделалось наконец так нестерпимо, что великая княгиня Анна и супруг её должны были уехать из России. Тогда-то Меншиков вообразил, что все желания его исполнились и герцог голштинский, последний неприятель, которого он более всех боялся, побеждён. И действительно, после отъезда старшей дочери великого благодетеля его кого мог он бояться? Царевна Елизавета была ещё так молода, что не могла иметь никакого влияния на дела государственные, её занимали забавы, почти детские. Император, незадолго перед тем праздновавший двенадцатый год своего рождения, был уже обручён с дочерью Меншикова и жил в его доме.

Но как часто ошибаются люди в самых верных расчётах своих! Редко кто испытал это в такой степени, как честолюбивый князь Меншиков! В то самое время как он с гордым восхищением смотрел на

¹ Т. е. любекского (*прим. ред.*).

свою прекрасную Марию, за которую народ русский уже молился в церквах как за обручённую невесту государя, в то самое время как он мечтал о новом соединении семейства своего с домом царским через брак сына с сестрой императора царевной Наталией Алексеевной, враги его искусно приготовили ему погибель. Враги эти были не бессильные и обиженные родственники семейств казнённых или сосланных за оскорбления Меншикова. Нет! Это были враги самые могущественные из всех ненавидевших его, это были князья Долгорукие! Ещё в царствование Екатерины начались ссоры их с Меншиковым и продолжались до тех пор, пока один из них, пятнадцатилетний князь Иван, сын князя Алексея Долгорукого, не подружился с молодым императором. Бог, как бы желая показать, сколь ничтожны перед ним все хитро обдуманые планы человека, выбрал этого юношу для того, чтобы наказать гордость Меншикова.

Князь Иван был ловок, статен, всегда весел, он умел занимать государя, разнообразить его удовольствия, предупреждать его желания. Вскоре государь, привыкнув к молодому товарищу своему, хотел беспрестанно видеть его. Но строгий надзор хитрого врага расстраивал эти свидания, и только на охоте друзья могли поговорить со всей свободой. Государь, и без того очень любивший эту забаву, пристрастился к ней ещё более с тех пор, как полюбил своего милого Ивана Алексеевича. Здесь-то, заезжая вдвоем — иногда нечаянно, а иногда и нарочно — в густую чащу леса, Пётр и любимец его свободно разговаривали о разных делах. Здесь-то князь Долгорукий по наставлению отца рассказывал государю о тайных замыслах Меншикова, о том, как он хочет посредством брака

своей дочери завладеть всей царской властью. Пётр находил эти замечания справедливыми. Он не любил гордого князя, не любил и Марию, несмотря на всю красоту её. Доверчиво поверял он самые тайные мысли свои любимому другу, и как же обрадовался тот, когда узнал, что невеста царская не владела сердцем жениха своего! Услышав об этом, враги Меншикова смелее приступили к делу, а между тем он сам безрассудным поведением своим как будто помогал всем их намерениям. Вы согласитесь с этим, милые читатели, когда узнаете, что он делал.

Купечество петербургское, любившее молодого государя, поднесло ему в это самое время 9 тысяч червонцев. Пётр, самый нежный из братьев, хотел одарить этими деньгами сестру свою, великую княжну Наталию, и тотчас же послал их к ней с одним из придворных чиновников. Меншиков встретил посланного, узнал, куда несёт он деньги, и, нисколько не думая о дерзости поступка своего, сказал: «Император ещё так молод, что не может знать, как должно употреблять деньги, отнеси их ко мне». Привыкнув безо всяких противоречий повиноваться князю, посланный и на этот раз исполнил волю его. На другой день государь узнал об этом, и гнев его был так велик, что Меншиков едва мог вымолить себе прощение и, может быть, от этого неожиданного случая через несколько дней захворал. Болезнь его была даже опасной.

В это время Долгорукие действовали всеми силами против врага своего. Меншиков после выздоровления сам доставил им новое средство к своей гибели. Вместо того чтобы отправиться в Петергоф, куда переехал двор во время его болезни, он поехал в свою усадьбу Ораниенбаум, где надобно было освящать

церковь. Меншиков послал пригласить на этот праздник государя со всем двором. Но Петра уговорили отказать от этого приглашения.

Гордый князь, ослеплённый честолюбием, искусно скрыл свою досаду и, чтобы не подать никому из приближённых своих и малейшего понятия о немилости к нему государя, старался показать величие своё более обыкновенного и забылся до того, что во время освящения церкви занял место императора, приготовленное в виде трона. В тот же день государь узнал об этой новой, величайшей дерзости, и Меншиков уже не видал его более. Напрасно поехал он тотчас после праздника своего в Петергоф — император уехал оттуда на охоту. Напрасно поехал потом в Петербург и два дня ожидал возвращения государя в дом свой, — разгневанный Пётр не только не возвратился, но даже приказал все вещи свои перевезти в Летний дворец и на другой день приезда своего туда, 7 сентября 1727 года, послал генерала Салтыкова объявить Меншикову, чтобы он не входил ни в какие дела и не выезжал из дома. 9 сентября несчастный горделивец получил приказание ехать в Раниенбург — город, самим им выстроенный и находящийся теперь в Рязанской губернии.

Это новое приказание, вовсе неожиданное, поколебало твёрдость несчастного, но он и тут сумел скрыть горечь свою, и только супруга и дети его в отчаянии отправились к государю умолять о помиловании. Никто из них не был допущен до него, и бедные, всеми оставленные, они возвратились в великолепный дворец свой, где каждая комната царской пышностью своей жестоко напоминала им о потерянном величии. Однако Меншиков думал и в изгнании сохранить это величие и потому вы-

ехал из Петербурга с такой многочисленной свитой и в таких богатых экипажах, что враги его, раздосадованные этой неуместной важностью, выпросили у государя новое повеление — опечатать все его вещи и оставить ему только самое нужное. Это было исполнено в Твери. Отсюда уже несчастный поехал как совершенный изгнанник — и не в Раниенбург, а в Сибирь, в отдалённый город Тобольской губернии Берёзов. Жена и дети ехали с ним, и величайшим наказанием, посланным от Бога гордой душе Меншикова, было видеть семейство своё, ещё так недавно окружённое счастьем и славой, а теперь покрытое стыдом и бедностью.

С особенной грустью смотрел он на свою любимицу, на свою милую Марию, обручённую с государем. Кто бы мог предсказать ей малейшее несчастье три месяца назад, в ту торжественную минуту, когда архиепископ новгородский Феофан подал ей кольцо императора? Кто бы мог подумать тогда, что она когда-нибудь поедет в Сибирь в простой телеге изгнанника? Вот как неверна, как переменчива участь людей, милые дети! Надобно помнить это всегда, при самом величайшем счастье нашем, а не думать, как гордый Александр Данилович, который только тогда поверил в возможность своего бедствия, когда оно постигло его. Однако отдадим ему справедливость в том, что он не впал в отчаяние от ужасного переворота судьбы своей даже и тогда, когда бедствия его ещё увеличились потерей супруги, ослепшей от слёз и скончавшейся от горести по дороге. Напротив того, казалось, что с каждым новым ударом он получал и новую твёрдость. Это происходило оттого, что он начал более думать о Боге и будущей жизни, начал раскаиваться в дурных поступках своих и молить о прощении. Бог,

никогда не оставляющий без исполнения такие молитвы, принимал его раскаяние и посылал ему спокойствие души, так что во время несчастной жизни своей в Берёзове нередко чувствовал он себя довольнее и веселее, нежели в то время, когда был первым вельможей в столице. Дети его, слушая наставления отца, сделавшегося очень благочестивым, разделяли чувства его.

Получая десять рублей в день на своё содержание, Меншиков издерживал очень мало и из остальных вскоре накопил столько, что смог построить в бедном городке Берёзове, месте своего изгнания, деревянную церковь. Часто и он, и сын его, бывший в тринадцать лет уже обер-камергером Петра II, трудились собственными руками над этой постройкой. Молодые княжны шили в это время покровы для алтаря и одежды для священника. Так текла жизнь изгнанников. Вдруг жестокое несчастье снова встревожило уже успокоившиеся сердца их: Мария, кроткая, любимая всем семейством, умерла от оспы. Горестный отец был неутешен. Через несколько месяцев, 22 октября 1729 года, скончался и он от апоплексического удара. Его похоронили в церкви, им построенной, подле дочери. Так кончилась судьба счастливица, которому долго завидовали все вельможи, окружавшие трон России; так правосудный и милосердный Бог смирил гордость его и исцелил сердце от пороков. Меншиков в последние два года своей жизни благодарил Бога за несчастье, исправившее его, и говорил, что счастлив бы он был, если бы ему нужно было отдать в будущем мире отчёт только за ту жизнь, которую он провёл в Берёзове. Сын и дочь его Александра возвращены были из ссылки после смерти отца, в царствование императрицы Анны Иоанновны.

ДОЛГОРУКИЕ 1728–1730 ГОДЫ

Вто время как знаменитое семейство Меншиковых так жестоко испытывало непостоянство судьбы и счастья, главные враги его князя Долгорукие торжествовали в полной мере. Они сделались первыми в империи. Государь был неразлучен с любимцем своим, и родственники молодого князя получали через него всё, чего желали.

Иван Алексеевич, несмотря на свои молодые лета, был очень хитёр и умел искусно поддерживать привязанность к нему Петра. Конечно, это не было очень трудно при четырнадцатилетнем возрасте императора. Стоило только угождать его желаниям, а Долгорукий делал это тем охотнее, что желания молодого государя часто были согласны с его собственными. Так, например, они оба любили охоту, и никакие важные занятия и даже никакая погода не могли остановить этой забавы. Они предавались ей так неумеренно, что здоровье Петра, от природы слабое, начало расстраиваться. Можно было бы подумать, что, почувствовав это, он и друг его сделаются осторожнее, и особенно последний как старший остановит излишнюю живость государя и подаст ему полезный совет — беречь жизнь, драгоценную для такого множества людей. Но вместо этого Долгорукий не останавливал его, потому что противоречие не нравилось государю, а хитрый любимец избегал всего, что могло обратить на него малейшее неудовольствие. К тому же ему совсем не было времени думать о здоровье императора. В голове его вертелась другая мысль, которая удивит вас своей смелостью, милые дети.

У Ивана Алексеевича была сестра, прекрасная сердцем и наружностью, кроткая, милая, отлично

образованная. В то время когда император стово-рен был с дочерью Меншикова, судьба Екатерины Алексеевны Долгорукой казалась уже решённой: она любила графа Вратислава, брата немецкого посланника, и была уже почти обручена с ним. Но падение Меншикова открыло Долгоруким столько новых надежд, столько новых средств к возвышению, что, ослеплённые счастьем, они позабыли всё благоразумие и, вместо того чтобы сделаться осторожнее после разительного бедствия Александра Даниловича, погубили своё счастье точно так же, как и он. Честолюбие их, кажется, было ещё сильнее. Меншиков, стараясь выдать дочь за Петра II, угождал не только своим собственным желанием, но и желаниям прекрасной Марии. Екатерина Долгорукая в высоком звании невесты государя видела своё несчастье, потому что давно уже привыкла считать женихом своим другого. Но гордые отец и брат, не веря, чтобы можно было добровольно отказаться от величия и блеска, не хотели об этом и слышать, и бедная княжна должна была скрыть всю горечь, терзавшую её, и с лицом довольным и счастливым объявить императору о своём согласии. Пётр был в восхищении: прелестная Екатерина понравилась ему с той самой минуты, как он по хитрому распоряжению Ивана Алексеевича в первый раз увидел её в подмосковном доме Долгоруких.

19 ноября 1729 года государь на совете вельмож и бояр объявил о своём намерении жениться и назвал имя невесты. Никто не осмелился слова сказать против такого решения: все боялись Долгоруких. 30-го числа того же месяца было торжественное обручение. Чтобы вы, милые дети, могли видеть, как отличались уже тогдашние нравы и обычаи предков наших от прежних, старинных, я расскажу вам несколько под-